

A man and a woman are standing in a kitchen, looking at each other. The man is on the left, wearing a dark jacket and jeans, looking down at the woman. The woman is on the right, wearing a red dress, looking up at the man. They are standing in front of a window with green plants. The kitchen has wooden cabinets and a lamp. The overall mood is intimate and romantic.

Геворг Казарян

Тепло Воды

18+

Геворг Казарян

Тепло Воды

«Автор»

2025

Казарян Г. А.

Тепло Воды / Г. А. Казарян — «Автор», 2025

Он верил в порядок. Она — в хаос. Их встреча стала началом конца. После университета Никита возвращается в родную квартиру, надеясь на спокойствие. Его планы рушит появление Ксении — племянницы его матери. Она красива, умна, цинична и сломлена своей прошлой жизнью. Её духи въедаются в стены, её музыка заглушает тишину, её игры сводят с ума. Что это? Большая страсть? Мечь миру? Или гениальный план свести с ума тихого, застенчивого парня, который ищет спасения в своем порядке? Их противостояние превращается в психологическую дуэль, где ставка — жизнь и рассудок. А в финале лишь один вопрос: кто на самом деле был жертвой, а кто — палачом? «Тепло воды» — это гипнотический роман о травме, манипуляции и о том, как далеко можно зайти в поисках любви и справедливости.

© Казарян Г. А., 2025

© Автор, 2025

Геворг Казарян

Тепло Воды

Тепло Воды

Пролог – Тишина после...

Тишина здесь – не отсутствие звука. Это отдельная, плотная субстанция, которая давит на барабанные перепонки, заставляя слышать собственное нутро. Я слышу, как по капле стекает конденсат с крана в умывальнике. Слышу, как скрипят шаги дежурного за железной дверью – раз в два часа, как часы. Но громче всего – тот звук. Приглушённый, влажный хлопок. Тело, падающее на асфальт.

Они думают, я должен сходить с ума от ужаса или раскаиваться. Но я чувствую лишь пустоту, ровную и гладкую, как стена этой камеры. Я убил её. И единственное, что осталось от неё живого во мне – это тепло.

Не её улыбка, не её голос. Тепло воды.

Оно приходит ко мне по ночам, как наваждение. Призрачное ощущение на коже. Пар, обволакивающий лицо. Скользкие пальцы, скользящие по моей спине под струями, которые смывали с неё всё, кроме её сути. Я закрываю глаза и чувствую его. Оно обжигает сильнее, чем память о ноже.

Иногда мне кажется, я убил её не из-за лжи и не из-за ребёнка. Я сделал это, чтобы остановить этот бесконечный поток, в котором мы оба тонули. Чтобы заставить её замолчать. Чтобы выключить воду.

Но не вышло. Она течёт до сих пор. Тёплая. Постоянная. Как кровь из раны, которую не зашить.

Они скоро поведут меня на допрос. Будут задавать вопросы, на которые у них есть все ответы, а у меня – нет. Они спросят «почему?».

А я вспомню не её мольбы, а то, как она в первый раз вошла в ванную, и скажу правду, которую мне не поверят:

«Это началось с воды»

Глава 1 – Запах её духов

Лифт с дребезжанием, словно нехотя, поднялся на восьмой этаж. запах – слабый аромат чистящего средства для полов, тления из мусоропровода и чужая жареная рыба – ударил в ноздри. Домой. Никита толкнул тяжёлую металлическую дверь с номером «42» и выпустил маму вперед, занося в прихожую свой потрёпанный рюкзак и сумку с грязным бельём из общаги.

Трёхкомнатная хрущёвка. Не развалюха, но и не новострой. Свой мирок. Гостиная с «стенкой» и старым, но исправным телевизором. Комната мамы – строгая, с документами на столе и иконой в углу. Его комната – самая маленькая, его берлога, заваленная книгами, наушниками и притерпевшимся к креслу ноутбуком. И кухня – узкая, с совмещённым санузлом в конце коридора, вечно пахнущая борщом и сыростью из вентиляции.

– Раздевайся, сынок, не стой в дверях, – бросила мама, Лидия Сергеевна, уже снимая пальто и включая на телефоне очередной рабочий чат. – Устал с дороги?

– Нормально, – буркнул он, вешая куртку на крючок. Он был невысокого роста, крепкого телосложения, не худой и не толстый. Каштановые волосы лежали неммытыми прядями на лбу, а лёгкая щетина делала его лицо старше его девятнадцати. В свои годы он казался вечным подростком, застенчивым и чуть угловатым.

И тут его нос уловил нечто иное. Сладковато-горький, пьянящий шлейф, абсолютно чужеродный в этом мире шей и дешёвого освежителя воздуха. Дорогие духи.

Из гостиной, лениво перебирая каналы пультом, вышла она.

Ксюша.

Ему всегда требовалась секунда, чтобы перезагрузить её образ в памяти. Они виделись последний раз пару лет назад, и тогда она была просто худощавой девочкой с дерзким взглядом. Теперь перед ним была женщина.

Невысокая, со стройной, почти хрупкой фигурой, облачённой в простые чёрные легинсы и оверсайз-свитер, сползающий с одного плеча. Но даже это выглядело на ней как тщательно продуманный образ. Чёрные волосы, короткое каре с идеально острыми прядями, обрамлявшими скулы, будто вырезанные ножницами стилиста. Лицо – без намёка на косметику, но с безупречной кожей, будто только что с обложки. И глаза. Ярко-голубые, почти неестественного оттенка, как два осколка льда. Они медленно скользнули по нему с ног до головы – оценивающе, без стеснения.

– Ну, привет, Никит, – сказала она. Голос низкий, чуть хрипловатый, от которого по коже бежали мурашки. – Подрост, я смотрю.

– Привет, – он опустил взгляд, чувствуя себя нескладным подростком в своих мешковатых штанах и потёртой футболке с полустёртым принтом.

– Лид, я чайник поставила, – бросила Ксюша через плечо, уже возвращаясь в гостиную, будто прожила здесь всю жизнь. – Идёшь?

Мама вздохнула, отрываясь от телефона. —Иду, иду. Никит, Ксюша поживёт у нас. Неопределённо. С отцом... опять не понялись.

– На сколько? – выдавил он, чувствуя, как в груди что-то неприятно сжимается.

– Пока не решится всё. Поселится в моей комнате. Я на раскладушке в гостиной, пока тут. Послезавтра уезжаю в командировку, на неделю как минимум.

Вот так. Без предупреждения. Его пространство, его тихая жизнь после общаги – всё это рушилось в одно мгновение. Он кивнул, стараясь не показывать раздражения, и прошёл в свою комнату, чтобы вывалить вещи.

Через полчаса они сидели за кухонным столом. Ксюша разливала по кружкам чай, её движения были плавными и точными. Запах её духов – чёрный кофе, жасмин и пачули – перебивал всё. Она рассказывала маме какие-то весёлые истории из своего колледжа, звонко смеялась, и этот смех резал слух. Никита молча ковырял вилок котлету, чувствуя себя лишним на собственном кухне.

– ...а потом этот идиот вообще... – она замолкла, почувствовав его взгляд. Повернулась к нему. – Ты чего такой тихий, Никит? Слово не вытянешь. Всегда таким молчуном был?

– Он у меня просто скромный, – поспешила вступиться мама.

– Скромность – это не порок, – Ксюша улыбнулась, но в её голубых глазах не было тепла. – Это просто... скучно.

После ужина мама ушла досматривать сериал, оставив их одних за столом. Повисло неловкое молчание. Ксюша допила чай и поднялась.

– Ладно, пойду распаковываться. Покажешь, где полотенца, герой?

Он молча кивнул и повёл её в ванную. Тесное помещение с потертым кафелем и старой стиральной машинкой. Он открыл шкафчик.

– Вот... чистые.

Она заглянула внутрь, сдвинула его простой гель для душа и дезодорант, освобождая место. Достала свои флаконы – матовые, с чёрными крышечками, с надписями на английском. Поставила их на самое видное место.

– Спасибо, – сказала она, и её пальцы случайно коснулись его руки. Он дёрнулся, будто от удара током. Она улыбнулась – уголком губ, – развернулась и вышла, оставив за собой тот самый шлейф.

Никита остался один в тесной ванной. Он глубоко вдохнул. Воздух был пропитан ею. Её духами, её уверенностью, её вторжением. Он посмотрел на своё отражение в потёртом зеркале – растерянный парень с невыразительным лицом.

Его крепость была взята без единого выстрела. И он чувствовал, что это только начало.

Глава 2 – Командировки мамы

День, последовавший за приездом Ксюши, прошёл в странной, натянутой тишине. Никита проснулся рано, по привычке, и первое, что он ощутил, – это тишину другого качества. В воздухе витало незнакомое присутствие. Он вышел на кухню – пусто. Но на столе стояла её кружка с остатками кофе, а в мусорном ведре лежала обёртка от дорогого йогурта, которого не водилось в их холодильнике. Следы захватчика.

Мама, Лидия Сергеевна, суетилась, собираясь в командировку. Её чемодан стоял посреди коридора, как монумент предстоящему одиночеству.

– Сыр, колбаса в холодильнике, – говорила она, пробегая мимо него с утюгом. – Денег на карточке оставила. Убирайтесь сами, не устраивайте свинарник. Ксюше тоже скажи.

– Она же твоя... племянница, – осторожно заметил Никита, намазывая масло на хлеб.

– Ты бы с ней поговорила.

– А что с ней говорить? Девушка она взрослая, самостоятельная, – отмахнулась мама. – Двоюродная сестра тебе, вообще-то. Понимаешь? Родственная душа. Так что общайтесь, скучно не будет.

Он ничего не ответил. «Родственная душа» – это не то определение, которое приходило ему на ум.

Дверь в комнату мамы (теперь – Ксюши) была приоткрыта. Оттуда доносилась негромкая музыка – какой-то импортный инди-поп, грустный и нарочито бунтарский одновременно. Он мельком увидел её: она сидела на кровати, скрестив ноги, и что-то живо печатала в телефоне, на лице – лёгкая улыбка. Она выглядела так, словно всегда жила здесь.

Он ретировался в свою комнату, закрыл дверь и попытался погрузиться в видеоигру. Но концентрация не шла. Он ловил себя на том, что прислушивается к малейшему шуму за стеной: скрип половицы, шуршание пакета, щелчок зажигалки.

Они столкнулись нос к носу только вечером, у холодильника. Он тянулся за кефиром, она – за бутылкой минералки. Их руки почти коснулись в дверце.

– Опа, – она отшатнулась с испугом, но в глазах читались лишь – Прости, братец, не заметила.

Слово «братец» прозвучало странно сладко и ядовито одновременно. Она взяла бутылку, её пальцы были длинными и ухоженными, с коротким аккуратным маникюром телесного цвета.

– Мама-то твоя замечательная, – протянула она, откручивая крышку. – Такую лёгкую на подъём. Моя бы ни за что не оставила меня с... ну, с парнем наедине. Даже если он и двоюродный брат.

Она сделала глоток, глядя на него поверх горлышка бутылки. Он молчал, чувствуя, как горит лицо.

– Ладно, не напрягайся так, – она хлопнула его по плечу, будто они старые приятели. – Я кусаться не буду. Если только не попросишь.

Она усмехнулась и ушла в свою комнату, оставив его с кефиром в руке и странным ощущением лёгкого ожога на плече.

На следующее утро мама уехала, суетливо зацеловав обоих в щёки и наказав «не ссориться». Хлопок дверью прозвучал как выстрел стартового пистолета. В квартире воцарилась звенящая тишина, нарушаемая только тиканьем часов в гостиной.

Никита пытался жить своей обычной жизнью: учёба на ноутбуке, игры, поход в магазин. Но везде он натёкался на следы Ксюши. Её дорогие сыворотки в ванной заняли полполки. Её лёгкие, терпкие духи въелись в шторы в гостиной. Её кружка стояла в раковине, а её кроссовки, дорогие и белоснежные, стояли у входной двери, будто бросая вызов его потрёпанным кедам.

Он застал её один раз в гостиной. Она сидела, поджав под себя ноги, и смотрела какой-то артхаусный фильм с субтитрами. На экране люди мучительно выясняли отношения.

– Присоединяйся, – предложила она, не оборачиваясь. – Просвещайся.

– Не, – буркнул он. – Не моё.

– А что твоё? – она нажала на паузу и повернулась к нему. Её голубые глаза были внимательными, как у учёного, изучающего редкий вид жука. – Стрелялки, похабные комедии? Ну-ка, расскажи о себе, братец. Чем дышишь? Он пожал плечами, чувствуя себя на допросе. —Нормально я дышу.

– Вижу, – она улыбнулась. – Ладно, иди к своим стрелялкам. Не буду отвлекать от высокого.

Он ушёл, чувствуя себя проигравшим этот короткий диалог. Она была слишком умна, слишком уверена в себе, слишком... разная. Она не вписывалась в ткань его жизни, как яркая, кричащая заплатка на потёртом одеяле.

Вечером второго дня он лёг спать рано, но сон не шёл. Он ворочался, прислушиваясь к тишине. Потом услышал шаги. Они прошли по коридору в сторону ванной. Щёлкнул замок. Потом... потом долго шумела вода.

Он представил её там, за тонкой дверью. Совсем близко. Голую. Под струями воды. Его сердце забилось чаще, и он с силой перевернулся на другой бок, стараясь выкинуть эти мысли из головы. Это же сестра. Двоюродная, но всё же. Так нельзя.

Но тело не слушалось доводов разума. Оно помнило запах её духов, прикосновение её пальцев, звук её голоса. Оно уже начало свою собственную, тихую и предательскую войну против него.

А за стеной шумела вода. Словно дразня. Словно зовя.

Глава 3 – Влажный пар

Третий день их сосуществования начался с проливного дождя. Стекла окон в квартире плакали мутными слезами, за которыми мир расплывался в серое, безразличное месиво. Такая погода всегда наводила на Никиту унылую задумчивость. Он сидел на кухне, пил остывший чай и смотрел, как капли стекают по стеклу, сливаясь в ручейки. Эта квартира, эта погода – всё было частью его ДНК, его тихой, предсказуемой вселенной.

Вселенная по имени Ксюша проспала до полудня. Она вышла на кухню в длинной, до пола, тёмно-бордовой пижаме, из-под которой виднелись её худые, изящные щиколотки. Волосы были растрёпаны, лицо – опухшее от сна, но даже это выглядело на ней умышленно-эстетично.

– Кофейный апокалипсис, – хрипло провозгласила она, изучая содержимое чашек в раковине с видом криминалиста. – Ты вообще моешь за собой, братец?

– Помою, – буркнул он, не отрываясь от окна.

– Ладно, пронесёт, – она махнула рукой и принялась колдовать у турки, насыпая в неё дорого пахнувший молотый кофе. Её движения были точными, выверенными. – Ненавижу дождь. В Питере от него с ума сойти можно. Вечная осень, вечная хандра.

– А ты оттуда? – удивился Никита. Он мало что знал о её жизни.

– Учусь. Ну, училась, – она сделала многозначительную паузу. – Пока не забанили.

– За что?

– О... – она обернулась, облокотившись о столешницу. На её лице играла лёгкая, почти весёлая улыбка, но глаза оставались серьёзными. – Много за что. За прогулы. За дерзость преподам. За то, что привела на пару не того парня. А потом ещё и устроила сцену ревности прямо в коридоре. Он был... мм... не одинок. История была рассказана с таким лёгким, почти бравурным цинизмом, что у Никиты сжалось внутри. Не от осуждения, а от непонимания. Его мир был чёрно-белым: хорошо учиться – плохо учиться. Её мир явно состоял из других красок.

– А тебе не... ну... не страшно? – выдавил он. —Чего бояться? – она искренне удивилась. – Скандалы – это скучно. А вот быть как все... это смертельно. Лучше уж греметь, чем тихо ржаветь, как этот твой чайник.

Она указала на его старую эмалированную кружку. Он почувствовал укол.

– Я не ржавею. Мне нравится спокойствие.

– Спокойствие – это для овощей, Никит. Для тех, кто уже мёртв, но ещё ходит. Я, например, в пятнадцать сбежала с двумя парнями из музыкальной школы в Крым. На попутках. Родители вызвали полицию. Вот это был треш. – Она засмеялась, наливая себе кофе. Этот смех был резким, как щепень. – А что ты в пятнадцать делал? В куклы играл? Он покраснел. Его пятнадцать – это были библиотека, первые робкие попытки программирования и одна несмелая прогулка с девочкой из параллельного класса, закончившаяся неловким рукопожатием.

– Ну, ясно, – она поняла всё по его молчанию. – Ладно, не переживай. Ещё наскочешься. Она взяла свою кружку и ушла в гостиную, включив тот самый грустный инди-поп. Он остался один со своим остывшим чаем и внезапным, острым ощущением собственной неполноценности. Она прожила в свои двадцать один год больше, чем он, вероятно, проживёт за всю жизнь.

День тянулся, ленивый и томный. Дождь не утихал. Они изредка пересекались в коридоре, два корабля в тумане, обмениваясь ничего не значащими фразами.

– Передай соль. —Хлеб где? —Ты не видел мой телефон?

Но под этой бытовой шелухой копилось что-то другое. Он ловил на себе её взгляд – не насмешливый, а изучающий, заинтересованный. Как будто он был сложным пазлом, который ей вдруг захотелось собрать.

Через пару часов Никита вышел в гостиную за водой. Ксюша всё так же сидела на диване, укутавшись в плед, но уже не смотрела кино, а листала книгу. Толстый том в тёмной обложке. Он узнал её – это был его томик Достоевского, «Игрок», который он недавно дочитывал.

– Что? – спросил он, не сдержавшись. —А что? – она не подняла глаз от страницы. – Запретная литература? Или ты не даёшь свои книги в руки? —Да нет... просто не думал, что тебе зайдёт. —А что, по-твоему, мне заходит? Глянцевые журналы? – наконец, она посмотрела на него, и в её взгляде читалась насмешка. – Этот твой Фёдор Михайлович – он, конечно, зануда, но в одном он прав: страсть – это единственное, что оправдывает существование. Всё остальное – трусость. Он это понял, а ты?

Она отложила книгу, встала и прошла мимо него на кухню, словно не сказав ничего особенного. Он остался стоять, глядя на потрёпанный корешок. Её слова, как игла, попали точно в цель

К вечеру дождь усилился, превратившись в сплошную стену воды. Голод всё же заставил их столкнуться на кухне одновременно. Молча, словно по сговору, они начали готовить ужин. Он чистил картошку, она нарезала салат. Тишину нарушал только стук ножа и шум ливня за окном.

– У тебя руки не слушаются, – вдруг заметила она, наблюдая, как он неуклюже орудует овощечисткой. —Нормально у меня руки, – огрызнулся он. —Дай-ка. – Она взяла у него из рук картофелину и нож. Её пальцы двигались быстро, ловко, срез получался идеально ровным. – Видишь? Надо чувствовать предмет, а не бороться с ним. Она протянула ему очищенную картошку. Их пальцы снова соприкоснулись. На этот раз он не дёрнулся, лишь почувствовал, как по руке разливается тёплая волна.

– Спасибо, – пробормотал он. —Не за что, братец, – она улыбнулась, и на секунду в её улыбке не было насмешки, а было что-то похожее на... родственность? Но мгновение спустя маска вернулась. – А то помрёшь с голоду, и мне за тебя отвечать. Они поели почти молча, но уже без прежней неловкости. Был какой-то шаткий, зыбкий мост, возникший над пропастью их различий. Он ловил себя на том, что украдкой наблюдает за ней: как она держит вилку, как откидывает со лба непослушную прядь волос.

После ужина она не ушла сразу. Облокотилась о подоконник и смотрела на потоки воды, стекающие по стеклу. —Тоска зелёная, – произнесла она. —Ага, – согласился он, собирая тарелки. —Знаешь, что нужно в такую погоду? – она обернулась, и в её глазах вспыхнул тот самый опасный огонёк. —Что? —Танцы. Она достала телефон, несколько раз ткнула в экран, и через мгновение тишину квартиры разорвали тяжёлые, чувственные басы – что-то электронное, гипнотическое. Она закрыла глаза, позволив музыке поглотить себя, и начала медленно раскачиваться в такт, едва заметно двигая плечами и бёдрами. Это не был танец в полном смысле, это было воплощение соблазна. Её тело говорило на языке, который он смутно понимал, но от которого перехватывало дыхание.

– Давай, присоединяйся, – не открывая глаз, сказала она. —Я не умею, – голос его сорвался на фальцет. —А кто умеет с первого раза? Всё дело в практике. И в партнёре. Она открыла глаза и посмотрела на него прямо. Вызов. Приглашение. Угроза. Всё сразу. Он застыл, как вкопанный, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Музыка заполняла всё пространство, билась в висках, совпадая с ритмом его сердца. Потом она сама выключила её. Резким движением, словно очнувшись. —Ладно, скучный ты какой-то. Пойду, почитаю твоего депрессивного классика. И ушла, оставив его в оглушительной тишине, которая показалась теперь громче любой музыки. Его тело всё ещё вибрировало от этого незавершённого танца.

Когда стемнело, напряжение достигло пика. Он сидел у себя, пытался читать, но слова расплывались перед глазами. Он думал о ней. О её историях. О её смехе. О том, как она двигается – с кошачьей грацией, будто всегда знает, куда ставить ногу.

Он решил принять душ. Смыть с себя этот странный, липкий день. Вода в их бойлере была чуть тёплой, но он стоял под ней долго, закрыв глаза, пытаясь ни о чём не думать. И тут дверь в ванную скрипнула.

Он замер. Сквозь шум воды и запотевшее стекло душевой кабины он увидел её силуэт в проёме. Сердце его упало, а потом заколотилось с бешеной силой.

– Никит? – её голос прозвучал приглушённо, но ясно. Он не ответил, окаменев. Он был абсолютно голый, уязвимый, как пойманный на месте преступления.

Дверь приоткрылась чуть шире. Она не уходила. Она стояла и смотрела. Он видел смутные очертания её лица, её фигуры в домашней одежде.

– Извини, не знала, что занято, – сказала она, но в её голосе не было ни капли извинения. Было любопытство. – Хотя стоп... знала.

Он почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Он прижался спиной к холодной кафельной стенке, пытаясь прикрыться.

– Выйди, – сдавленно выдавил он.

Она не ушла. Стояла ещё несколько секунд, которые показались ему вечностью. Он чувствовал её взгляд на своей мокрой коже, чувствовал, как краснеет всё его тело.

– Ничё так... – наконец, произнесла она, и в её голосе прозвучала та самая знакомая, ядовитая усмешка. – Скромняга.

Она захлопнула дверь. Звук щелчка прозвучал громче, чем шум воды. Никита остался стоять под струями. Его колени дрожали. Сердце бешено стучало. Стыд, ярость, унижение и дикое, неконтролируемое возбуждение смешались в нём в один клубок. Вода, которая должна была очистить, вдруг стала ощущаться как нечто грязное, соучастное. Он выключил воду. В внезапно наступившей тишине он услышал, как её шаги удаляются по коридору. Лёгкие, беззаботные. Будто ничего и не произошло. Он вышел из душевой кабины и уставился на своё отражение в запотевшем зеркале. Растерянное лицо, широко раскрытые глаза. Она видела его таким. Униженным, голым, беспомощным. И в глубине этих глаз, среди стыда, уже тлела искра. Искра ответного желания. Опасного, запретного, всепоглощающего. Его рука сжала край раковины так, что побелели костяшки.

Война была объявлена. И он только что проиграл первую битву.

Глава 4 – Наказание

Утро после вторжения в ванную началось с оглушительной тишины. Никита провалился до полудня, не в силах заставить себя выйти из комнаты. Каждая клетка его тела помнила унижение и стыд. И тот предательский всплеск возбуждения, который он тщательно пытался похоронить под слоями злости.

Он вышел на кухню только тогда, когда заскрипела дверь её комнаты и послышались шаги. Сердце ёкнуло, приготовившись к бою. Ксюша выглядела свежей и беззаботной, будто вчера ничего не произошло. На ней были короткие шорты и чёрный топ, обнажавший плоский живот и тонкую талию.

– О, жив, – констатировала она, открывая холодильник. – А я уж думала, тебя паралич разбил после вчерашнего. Или стыд сжёг изнутри. Он промолчал, наливая себе сок. Рука дрожала.

– Ну, что молчишь? – она подошла к нему совсем близко. Её голубые глаза изучали его лицо с научным интересом. – Обиделся? Ну, извини, если что. Не знала, что ты такой недоτροга. Просто любопытство. Все мужчины в душе на одно лицо, а вот тела... тела у всех разные. Интересно же.

– Отстань, Ксюша, – прошипел он, отворачиваясь. —Ой, кажется, тронула за живое, – она усмехнулась. – Ладно, ладно, не кипятись. Честное слово, ничего такого. Ну, почти ничего. – Она сделала паузу, её взгляд скользнул по его торсу, скрытому под мешковатой футболкой. – Кстати, должна признать... не так уж и плохо. Скрываешь, оказывается, под этой... э-э-э... бездомной стилистикой... вполне себе атлетичные формы. Рельеф есть. Удивил.

Эта неожиданная, ироничная похвала обожгла его сильнее, чем прямая насмешка. Он почувствовал, как кровь бросается в лицо. Она играла с ним, как кошка с мышью: то бьёт лапой, то слегка отпускает.

– Тебе просто делать нечего, вот и пристаёшь! – выпалил он, теряя самообладание. —Ну, конечно, делать нечего! – она рассмеялась, но смех её был безрадостным, резким. – Сиж тут, в этой дыре, с тобой, своим милым двоюродным братцем. Это вам, интровертам, хорошо. Вам и стены – компания. А мне... мне нужен драйв. Движение. Адреналин. А где его тут взять? Кроме как... дразнить тебя? В её голосе прозвучала неподдельная, почти детская обида и тоска. На секунду он увидел не расчётливую соблазнительницу, а запертую, несчастную девушку. Но мгновение спустя маска вернулась.

Никита мыл свою кружку, чувствуя на себе её пристальный взгляд.

– Слушай, а у тебя вообще никогда никого не было? – вдруг спросила Ксюша с притворным простодушием, откусывая яблоко. – Ну, ты понимаешь. Девушек. Или... мальчиков? Я не осужу.

Он весь напрягся. —Не твоё дело. —Ну, как же не моё? Я же твоя двоюродная сестра, – она сделал ударение на словах, играя ими. – Должна же я интересоваться жизнью своего единственного брата. Так что? Была хоть одна? Хоть какая-то неловкая попытка? Поцелуй в школьном спортзале? Взаимная влюблённость в одноклассницу?

– Отстань, – буркнул он, стараясь скрыть смущение. Её вопросы били точно в цель, в его самое болезненное место – одиночество и неопытность.

– Ой, да ладно тебе, – она под села к кухонному столу, подперев подбородок рукой. Её взгляд стал томным, заговорщицким. – Мне просто интересно. Вот, например, была у меня подруга... так та вообще первый раз только в институте, в девятнадцать. Представляешь? А

до этого – ни-ни. Руки не держал никто. Смешно же. Он понял, что она его провоцирует, пытается вытянуть признание, чтобы потом смеяться. Но в её тоне была и капля искреннего любопытства.

– У меня нет времени на эту ерунду, – соврал он, отворачиваясь к раковине. —«Ерунду»? – она рассмеялась. – Никит, да это же единственное, ради чего стоит жить! Вся эта... химия. Дрожь в коленках. Сумасшедший взгляд. Когда понимаешь, что готов на всё ради прикосновения одного-единственного человека... Она говорила это с таким сладостным придыханием, что у него по спине пробежали мурашки. Он представил, как это – испытывать такое. И понял, что не испытывал никогда.

– Тебе бы романы писать, – язвительно бросил он, пытаясь защититься. —Ага, про невинных овечек и слепых ягнят, – парировала она. – Ладно, не хочешь – как хочешь. Живи в своём стерильном мирке. Только смотри... засохнешь совсем. Она обернулась, оставив его с неприятным осадком. Её слова, как иглы, впивались в него. «Стерильный мирок». «Засохнешь». Она словно видела его насквозь.

– Ладно, не грузись, – она махнула рукой и направилась к выходу из кухни. – Пойду, может, в интернете кого-нибудь по развлекаю. Хоть виртуальный адреналин будет.

Остаток дня прошёл в нарастающем напряжении. Ксюша будто нарочно становилась громче: включила музыку на полную громкость, громко разговаривала по телефону с подругами, рассказывая похабные анекдоты и смеясь так, будто хотела, чтобы его затошнило от этого звука. Он пытался игнорировать, запершись у себя, но её присутствие просачивалось сквозь стены, как ядовитый газ.

Вечером грянул скандал. Повод был пустяковый – он попросил вынести мусорное ведро, которое она переполнила своими обёртками и упаковками.

– Что, сам не можешь, принц? – язвительно спросила она, не отрываясь от телефона.

—Ты же его засрала! —Ой, какой грубиян! – она вскочила с дивана, её глаза сверкнули настоящей яростью. – А ну-ка, повтори! Я тут, понимаешь ли, не твоя прислуга! Меня сюда не прислужкой прислали!

– А зачем тогда прислали? Чтобы мозги мне выносить?! —Может быть! Может, для этого! Чтобы ты, наконец, ожил и перестал быть куском мрамора! Чтобы хоть что-то, кроме злости, в тебе шевельнулось! Они стояли посреди гостиной, словно два враждующих гладиатора. Её грудь вздымалась, на щеках выступили красные пятна. В её взгляде читалась не просто злость – там была подлинная ненависть к этому месту, к этой ситуации, к нему.

– Знаешь что? – она выдохнула, и её голос вдруг стал тихим и опасным. – Ты прав. Мне тут делать нечего. С тобой – тем более. Ты скучный, предсказуемый и трусливый. Боишься собственной тени. И уж тем более – меня.

Она резко развернулась и бросилась в свою комнату. Через минуту она вылетела оттуда, уже в куртке, на ходу запихивая в сумочку кошелёк и телефон.

– И куда ты? – испуганно спросил он, хотя уже всё понимал. —Туда, где жизнь есть! – бросила она ему через плечо, уже у двери. – Не жди. И не звони. Мне с тобой совершенно не о чем говорить. Хлопок входной двери прозвучал как выстрел. В квартире воцарилась мёртвая, звенящая тишина. Никита остался стоять один посреди гостиной, смотря на захлопнувшуюся дверь и чувствуя, как по его щеке катится предательская, горькая слеза злости и бессилия.

Он проиграл. Снова.

Глава 5 – Тёплая вода

Хлопок входной двери отозвался в тишине квартиры, как похоронный колокол. Никита застыл посреди гостиной, слушая, как её шаги затихают в лифтовой шахте. Она ушла. К кому? Куда? Кто тот, кто увидит её улыбку, услышит её смех, прикоснется к её коже? Ревность впи-лась в него острыми когтями, выворачивая внутренности. Он ненавидел её в этот момент. Ненавидел её лёгкость, её бесстрашие, её способность бросать вызов и уходить, оставляя его в этом звенящем вакууме.

Он метался по квартире, как раненый зверь. Включил телевизор – выключил. Взял книгу – не видел букв. Её запах, её духи, вьевшиеся в шторы, в обивку дивана, сводили его с ума. Он ловил себя на том, что прислушивается к каждому шуму за окном, надеясь и боясь услышать её возвращение.

Часы тянулись мучительно медленно. Он представлял себе картины одна ярче другой: она в баре, с бокалом в руке, флиртуя с кем-то; она в чужих объятиях; она... Он с силой тёр виски, пытаясь выгнать эти образы. Но они возвращались, жгучие и унижительные. Он хотел её. Не как сестру. Как женщину. Яростно, бешено, до потери пульса. Это желание пугало его своей силой и своей порочностью. Это было безумие. Но он уже почти смирился с ним.

Рассвет застал его в кресле в гостиной, с воспалёнными глазами и тяжёлой головой. Он не сомкнул глаз. И тут он услышал – ключ в замке. Щелчок. Скрежет. Тихие, неуверенные шаги в прихожей. Он не двинулся с места. Сердце заколотилось где-то в горле. Он слышал, как она прошла в свою комнату, как упала на кровать. Ни звука больше.

Светало. Полосы серого утреннего света пробивались в комнату. Он не мог больше терпеть. Ему нужно было увидеть. Увидеть следы её ночи. Наказать себя болью.

Он встал и, на цыпочках, как вор, подошёл к её комнате. Дверь была приоткрыта. Он толкнул её немного.

И замер.

Она спала на боку, спиной к нему, полностью обнажённая, кроме чёрных кружевных трусиков. Одеяло было сброшено на пол. Длинная линия её спины, узкая талия, изгиб бёдер – всё было вылеплено из бледного мрамора в лучах утреннего света. Её волосы растрепались по подушке. На её левом колене красовался свежий синяк с ссадиной. На щиколотке – песок. А на шее, чуть ниже уха – маленькое красное пятнышко, похожее на след от поцелуя.

Это было одновременно самое прекрасное и самое ужасное зрелище в его жизни. Шок, трепет, животное возбуждение – всё смешалось в один огненный шал. Он стоял, не в силах пошевелиться, боясь дышать, пожирая её глазами.

– Ксюша... – его собственный хриплый шёпот вырвался против воли.

Она пошевелилась, слабо протестуяще мыча во сне. Повернулась на спину, не прикрываясь. Совершенно естественно, будто так и должно быть. Её грудь, упругая и бледная, была беззащитна перед его взглядом. Она медленно открыла глаза. Смотрела на него затуманенным, невыспавшимся взглядом, без тени смущения или удивления. Будто он был частью её сна. Будто его присутствие в дверях её комнаты, когда она спит обнажённой, было абсолютной нормой.

– Чего? – её голос был хриплым от сна, в нём не было ни вызова, ни страха. Только усталое раздражение, как если бы её разбудил телефонный звонок.

Он онемел. Его мозг отказывался обрабатывать эту картину: её наготу и её абсолютное, оглушающее спокойствие.

– Я... ничего... – он выдавил из себя, чувствуя, как горит всё его лицо. – Просто...

Она не стала ничего больше спрашивать. Лениво потянулась, выгнув спину, совершенно не стесняясь его. Потом повернулась на бок, спиной к нему, и, кажется, мгновенно снова уснула.

Никита стоял ещё несколько секунд, парализованный, а потом отступил и закрыл дверь. Его руки дрожали. Внутри всё горело. Её нормальность в этой ненормальной ситуации была самым шокирующим и самым возбуждающим моментом во всей этой истории.

Они не пересеклись до вечера. Атмосфера в квартире была густой, как смоль. Он избегал её взгляда, а она, казалось, была погружена в себя, задумчивая и тихая, будто после бури. И вот, вечером, они столкнулись в узком коридоре между кухней и ванной. Он шёл мыть посуду, она – возвращалась из ванной с зубной щёткой в руке. Они остановились, не в силах разминуться. Воздух трещал от напряжения. Он видел в её глазах отражение своей собственной боли, желания и усталости от этой игры.

– Доволен? – тихо спросила она. Без насмешки. Почти с надломом. – Нагляделся утром? Он не нашёл, что ответить. Просто смотрел на неё. —Мне нужно смыть с себя эту ночь, Никит, – прошептала она, и её голос дрогнул. – Всю её. До последней пылинки. Она не отводила взгляд. Это был не вызов. Это была мольба. Признание своего поражения. Свойственной ей слабости. Он кивнул, не в силах вымолвить слово. Его сердце бешено стучало. Она развернулась и пошла к ванной. Он, как замороженный, последовал за ней.

Она вошла первой, включила воду. Пар быстро начал заполнять маленькое пространство. Она, не глядя на него, сняла халат. Потом – те самые чёрные трусики. И встала под струи, спиной к нему.

Он видел, как вода оmyвает тот самый синяк на её колене, стекает по её лопаткам. Он видел, как она вздрагивает от температуры.

– Помоги, – бросила она через плечо, и это прозвучало как приказ и как молитва одновременно. Он вошёл в кабину. Горячая вода обожгла его кожу, но он почти не чувствовал температуры – всё его существо было сфокусировано на ней. Он взял гель для душа с полки. Вылил ей на спину. И начал втирать. Его руки дрожали. Он водил ладонями по её спине, чувствуя под пальцами каждую косточку позвонков, напряжение в её плечах. Он намылил её плечи, шею, смывая с неё... что? Пыль ночного клуба? Пот от чужих танцев? Запах чужого парфюма? Он не знал наверняка, и его воображение рисовало самые мучительные картины, но сейчас его пальцы стирали их, сантиметр за сантиметром. Она стояла неподвижно, лишь слегка покачиваясь под его прикосновениями, издавая тихий, почти стонущий выдох, когда его большие пальцы прошли вдоль её позвоночника. Потом Ксюша медленно обернулась. Её лицо было покрасневшим от пара, глаза блестели. Вода стекала с её ресниц, как слезы.

– Теперь я, – прошептала она.

Она взяла гель из его рук. Вылила ему на грудь. Её пальцы, скользкие и уверенные, начали намыливать его кожу. Грудь, живот, плечи. Она водила ладонями по его телу с почти хирургической внимательностью. Потом её руки опустились ниже, к его животу, и тыльная сторона её ладони, скользкая от пены, на секунду, случайно, проскользнула по его напряжённому нижнему животу. Он резко, судорожно вдохнул, и всё его тело напряглось, как струна. Она не отвела руку сразу, позволив этому мимолётному, жгучему касанию повиснуть в воздухе, и лишь потом продолжила намыливать его бёдра, смывая с него всю злость, всю неуверенность, всю боль.

Потом его очередь. Он присел перед ней. И начал намыливать её ноги. Икры, лодыжки. Он видел песок, смывающийся с её кожи. Чей это песок? С пола какого-то бара? С набережной? Его пальцы дрожали, когда он добрался до её колена, аккуратно обходя свежий синяк. Как она его получила? Споткнулась в темноте? Её толкнули?

Затем его руки, ведомые внезапным порывом смелости и острой, почти болезненной нежностью, поднялись выше. По внутренней стороне её бёдер. Кожа там была удивительно нежной и гладкой. Он чувствовал, как она едва заметно вздрагивает под его прикосновениями, но не отстраняется. Его скользкие от пены пальцы двигались выше, инстинктивно, почти против его воли, и его ладонь, мягко, почти благоговейно, прикоснулась к тёплому, влажному бугорку её лобка. Он замер, сердце остановилось. Он не нажимал, не делал грубых движений, лишь нежно, с какой-то щемящей жалостью и обожанием, провёл скользкой, намыленной ладонью по самой сокровенной части её тела, смывая невидимую грязь её ночи. Это длилось мгновение – вечность. Она резко, судорожно выдохнула, её бёдра непроизвольно подались навстречу его ладони, а потом она застыла, и по всему её телу пробежала мелкая дрожь.

Никита одёрнул руку, будто обжёгшись, и поднял на неё взгляд. Её глаза были закрыты, голова запрокинута, губы приоткрыты. По её щеке, смешиваясь с потоками воды, стекала слеза. Он не знал, была ли это слеза стыда, боли, наслаждения или всего сразу. Он встал, его колени подкашивались. Их тела были так близко в тесном пространстве, что почти соприкасались. Пена стекала по ним ручьями. Он намылил её руки, она – его спину. Его ладонь скользнула по её талии, чуть ниже, на внешнюю сторону её бедра, и пальцы его на мгновение вжались в её упругую плоть, прежде чем он одёрнул руку. Никаких лишних движений, только скользкая кожа, пар, прерывистое дыхание и гул невысказанного между ними.

Наконец, она выключила воду. В наступившей внезапной тишине они стояли, тяжело дыша, глядя друг на друга сквозь пелену пара. На них не было ничего. Ни лжи, ни защиты, лишь голая, дрожащая правда и пропасть, которую они только что перешли.

Ксюша первая вышла из кабины, завернулась в полотенце и, не оглядываясь, ушла в свою комнату а, он остался стоять в остывающей воде, чувствуя, как с его кожи стекают последние капли, унося с собой старого Никиту. Он провёл рукой по лицу, смахивая смесь воды и своих собственных, неизвестно откуда взявшихся слёз. Его тело горело там, где касалась она. А в голове звенело: Песок... Синяк... И нежность, от которой теперь не было спасения.

Он вышел. Война кончилась. Непоправимое произошло.

Глава 6 – Перемирие вранья

Сознание возвращалось к Никите медленно и нехотя, как отлипающая от кожи мокрая простыня. Он открыл глаза, и первое, что он увидел – потрескавшуюся штукатурку на потолке гостиной. Он не пошёл вчера в свою комнату. Не смог. Его крепость была захвачена, и теперь даже стены казались ему свидетелями его позора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.